

Наталья Фёдоровна Мёклин (по мужу — Кравцова) – гвардии майор, писательница, Герой Советского Союза.

Родилась 8 сентября 1922 г. в г. Лубны Полтавской губернии Украинской ССР. Умерла 5 июня 2005 года в Москве.

ПОВЕСТИ

В ночном небе. М., 1972;

От заката до рассвета. М., 1967;

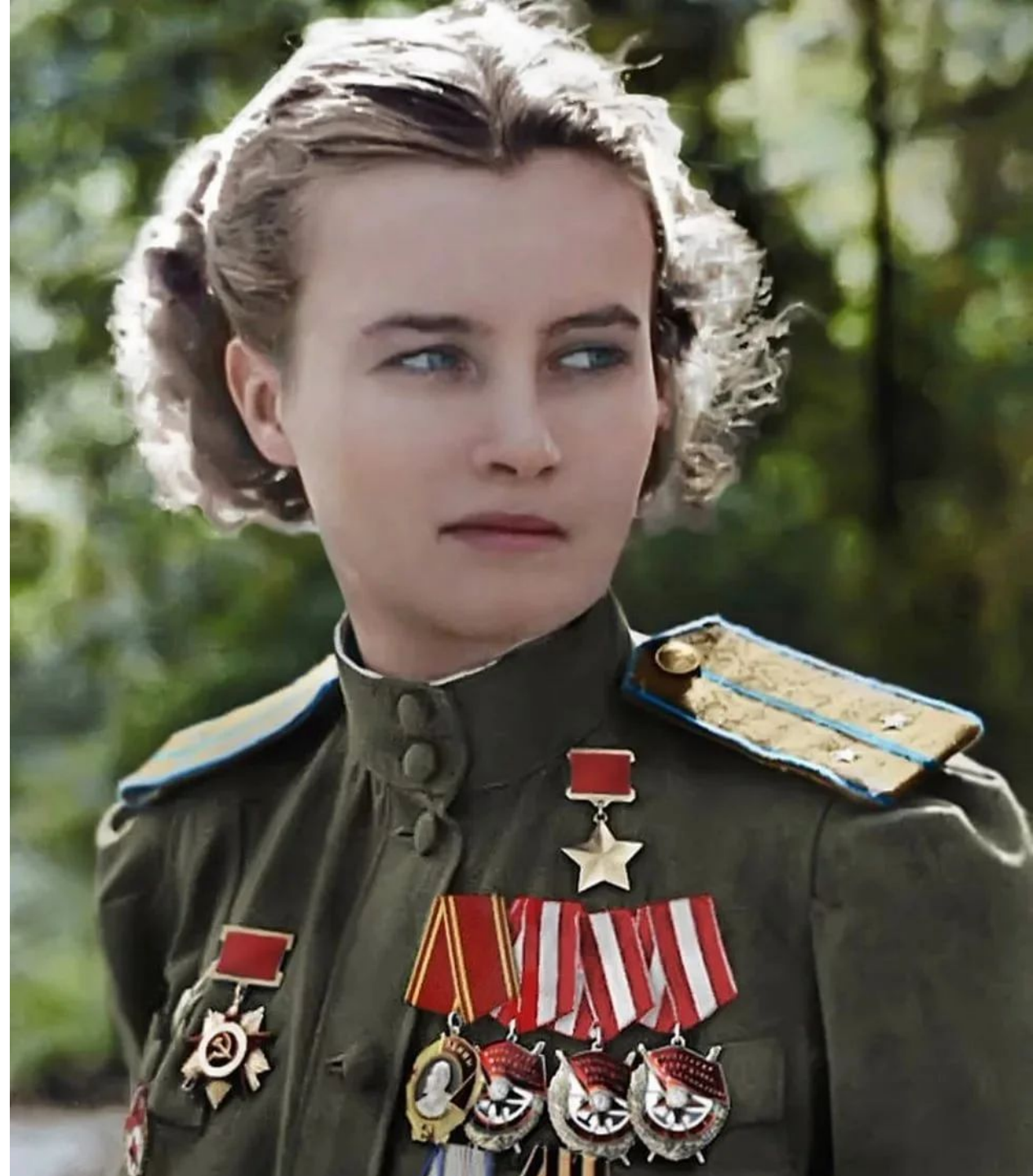
Из-за парты — на войну. М., 1976;

Вернись из полёта! М., 1979;

За облаками — солнце;

Госпитальная палата;

На горящем самолёте.

Герой Советского
Союза Наташа
Меклин, Наталья
Кравцова, летчица 46-
го гвардейского
Таманского
авиационного полка,
совершила девятьсот
восемьдесят боевых
вылетов.

Наталья Кравцова

ИЗ-ЗА ПАРТЫ- НА ВОЙНУ

ПОВЕСТЬ

Москва
«Детская литература»
1976

Книга Натальи Кравцовой, которую вы прочтете сейчас, написана о юности поколения. А его юностью была война. Самая грозная из всех войн, которые когда-либо вело человечество, самая истребительная. И решалось в той войне многое, бой шел за жизнь и ради жизни на земле. Прямо из детства, со школьной скамьи уходило поколение в суровую свою юность.

Повесть состоит из 19-ти глав.

- — Знаешь, Оля, у нас сегодня полеты!
- — В самом деле — полеты на планере! Настоящие! — сказала я.
- И я мчусь то вверх, то вниз по зеленым улицам моего города, ни о чем не беспокоясь, твердо убежденная, что май — самый чудесный месяц года, а Киев — лучший из городов мира!

Слава, Тимоха и другие

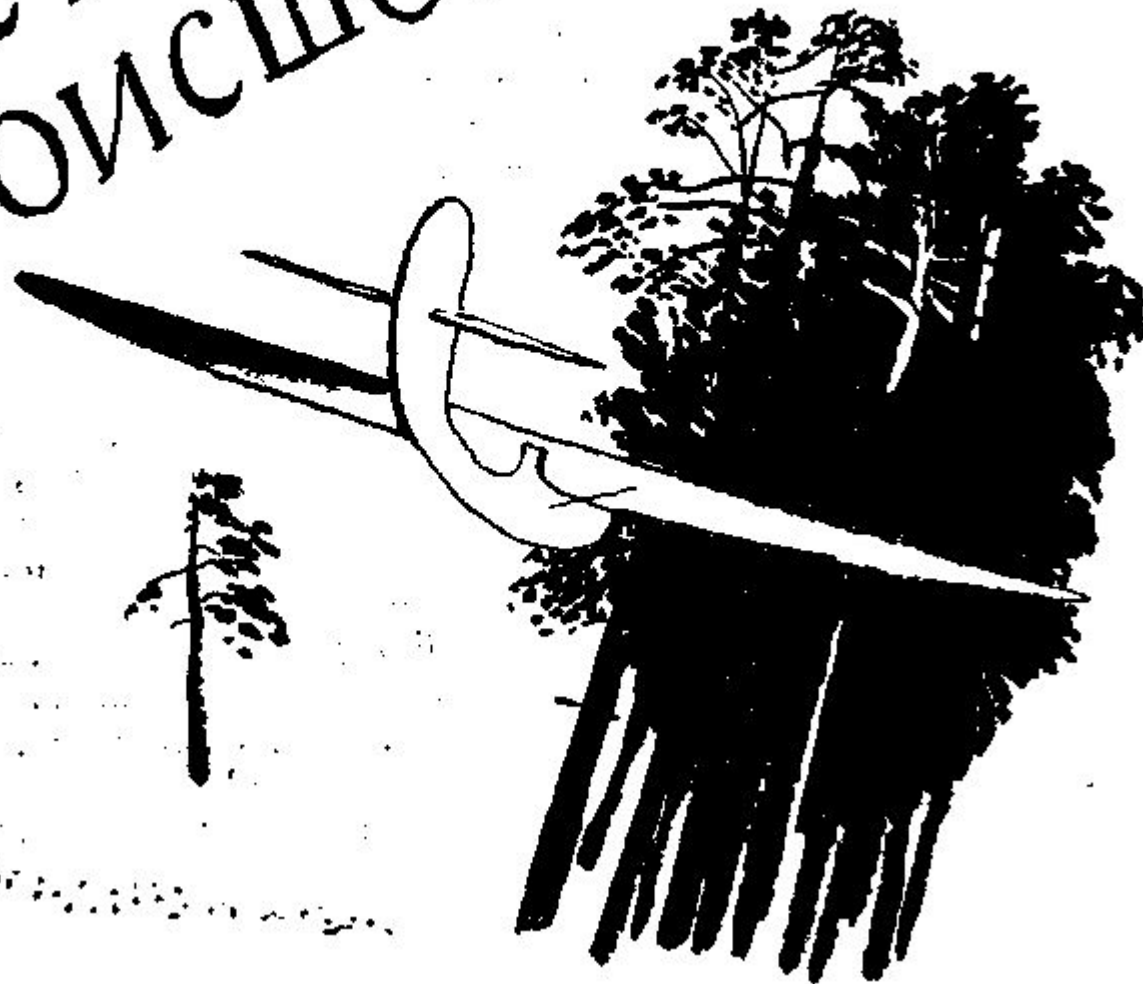
- Мы горланили песни, пока не доехали до конечной остановки, очутившись на опушке соснового леса. Дальше тянулось песчаное поле, на котором кое-где возвышались холмы с пологими склонами.
- — Здесь мы будем летать, — сказал Короленко.

- — Ты сколько вешишь?
- — Н-не знаю... К-кажется, сорок семь...
- — Сорок се-емь?! — протянул он не то возмущенно, не то презрительно.
- — Все ясно, — продолжал Короленко. — Центровочка... Весу маловато, поняла? Задняя центровка получается, вот нос и задирается! Куда же с таким весом летать — разобьешься!
- На следующий день, к общему удивлению, я приехала на планерку в отличном настроении. Отойдя в сторону от ребят, развернула аккуратно сложенный мешочек, который накануне вечером сшила мне мама, и с невозмутимым видом стала набивать его песком.
- — А-а-а. И куда же ты его денешь?
- — Сяду на него! — ответила я гордо, будто теперь каждый мог мне позавидовать.
- И я стала летать, добавляя себе около восьми килограммов весу. Этого было достаточно для того, чтобы планер слушался меня и не задирает нос, когда этого не требовалось.

Задняя центровка

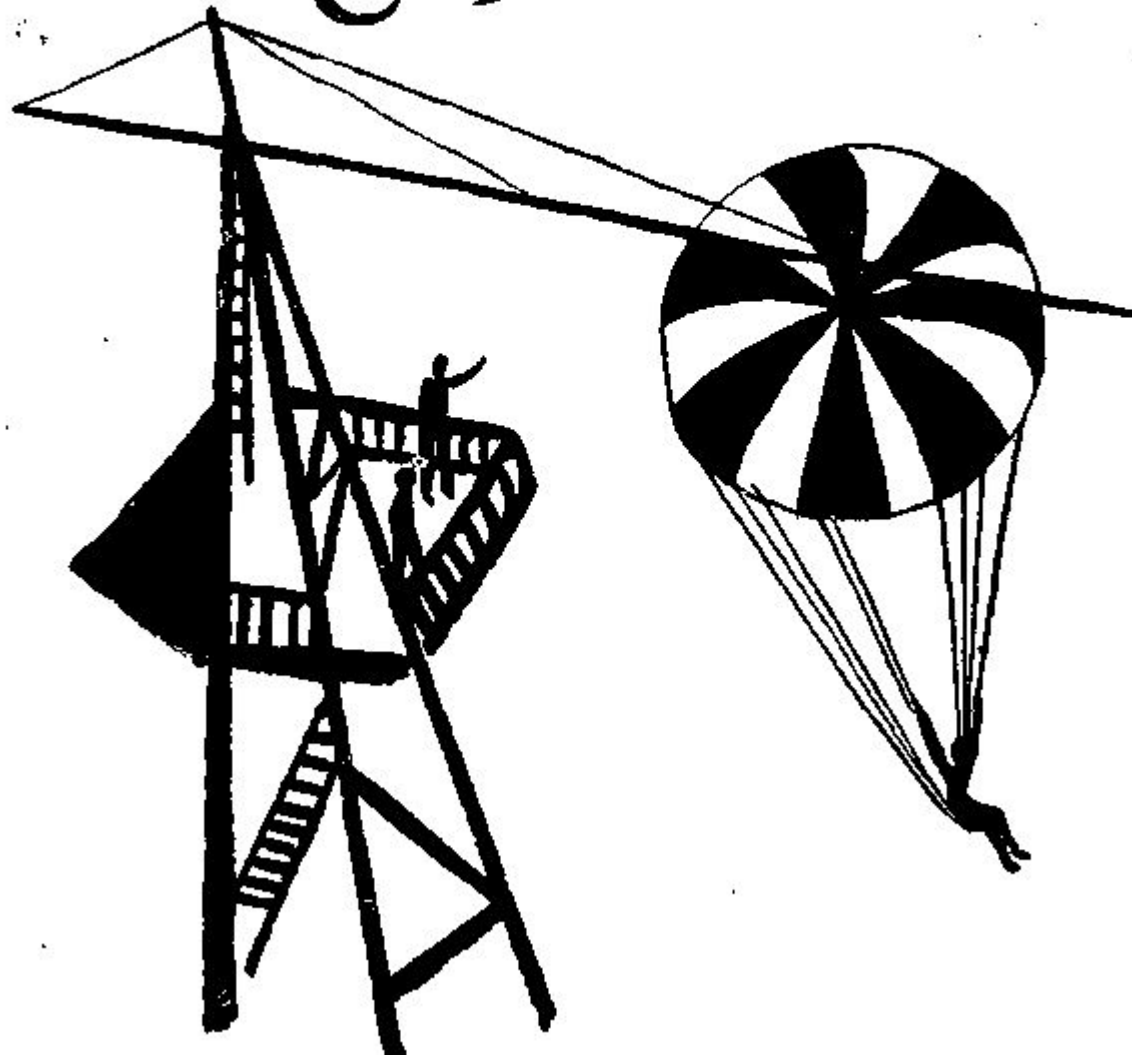
Летное происшествие

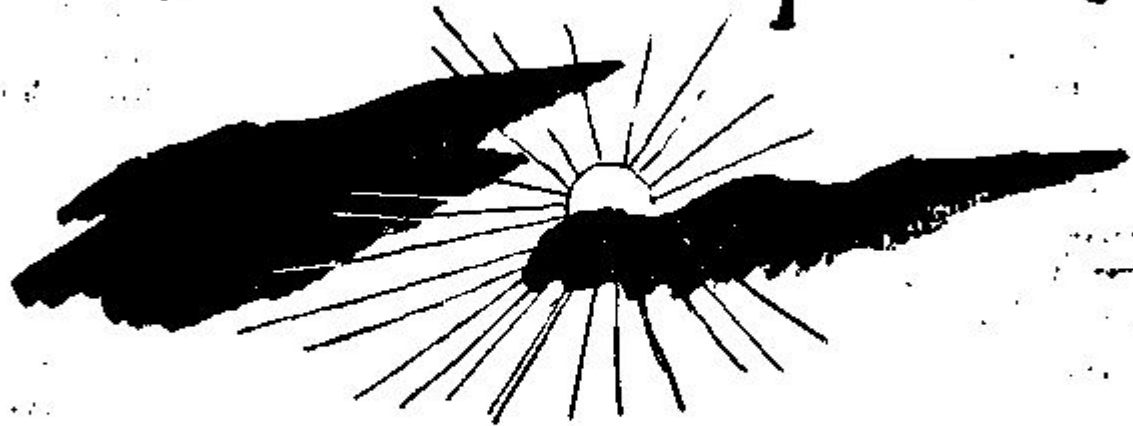
- Однажды Короленко с гордостью сообщил, что на днях к нам придет известный планерист-рекордсмен Ефименко, который покажет нам высокий класс полета и проверит, как мы летаем.
- А вскоре мы увидели, как наш старенький планер, поблескивая в солнечных лучах, начал весело кувыряться и резвиться в небе.
- — Вот это да! Классная работа! Я еще не видел такого, — сказал Лека-Длинный и даже языком прищелкнул.
- — Сразу видно, мастер своего дела! — подтвердил Виктор. — Внимательно смотрите, хлопцы, это великий момент!
- — А наш инструктор тоже хорошо летает! — неожиданно заявила Валя, обидевшись за Короленко и желая поддержать его престиж. — Думаете, он так не умеет?
- Набрал высоту, Короленко перешел в горизонтальный полет, но счастье не улыбнулось ему — он не попал в восходящий поток, на который так надеялся, и, сделав два разворота, стал быстро снижаться прямо на лес.
- Короленко, невредимый, вылез из-под обломков и медленно, согнувшись под тяжестью своей вины, обошел вокруг планера, потрогав рукой отвалившееся крыло, словно желая удостовериться, что все это не сон, а действительность.
- Он развел руками, потрогал щеку, посмотрел на нас исподлобья и продолжал негромким голосом:
- — Вот... сами видите, что произошло... Теперь будете знать, как надо летать и как не надо. А планер... Планер нужно ремонтировать. Своими силами, конечно...
- — Ничего, товарищ инструктор! Мы починим! Сами все сделаем, не беспокойтесь... Будет как новенький!

- Земля качалась подо мной, как огромная океанская волна, то вздымаясь, то опускаясь; купол раскачивался, и меня болтало из стороны в сторону, так что деревья, вышка и небольшая извилистая змейка очереди оказывались то впереди, то сзади, то выше, то ниже. Но почему-то опускалась я очень медленно, так медленно, что едва замечала, как приближается земля. Я даже подумала, что права была Валя, когда напомнила мне о мешочке. Он и здесь пригодился бы...
- — За ноги хватайте ее, за ноги! А то улетит вверх! Тяните за ноги скорее! — крикнули из очереди.
- — А знаешь, Тимоха, прыгать приятно. Мне очень понравилось.

Прыжок с вышки

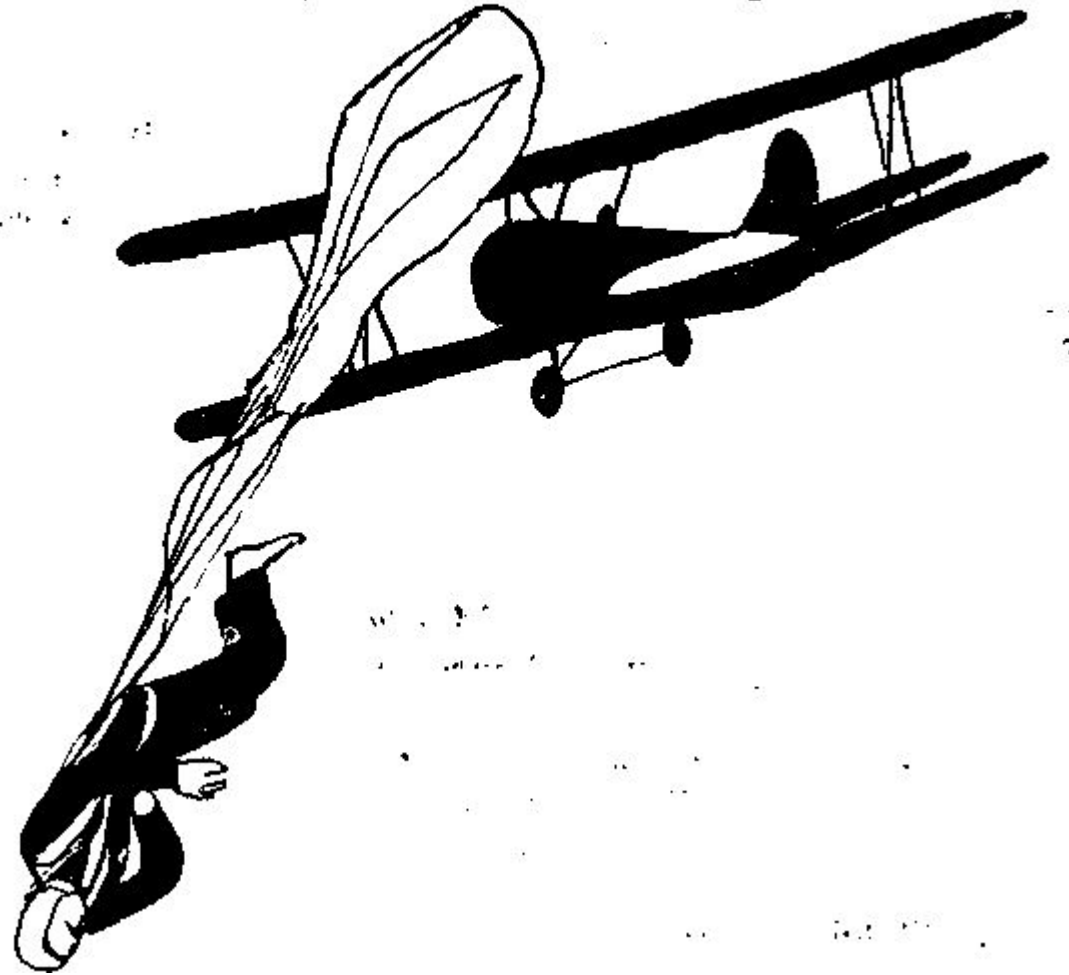
Конец планерки

- Последний раз отлетав на планере, который верой и правдой служил нам все лето, мы заперли его в ангар и распрощались с инструктором.
- Было грустно от сознания, что предстояло расстаться, что вместе собрались мы уже в последний раз. Не будет больше ни песчаных холмов, через которые мы волокли планер, ни дружной «Дубинушки», ни жесткого амортизатора, от которого на руках мозоли, ни старенького планера...
- — Ну вот, братва, и конец нашей планерке, — задумчиво произнес Виктор. — Хорошо было вместе. А теперь разбредемся кто куда.

- Первый самостоятельный полет... Я сижу в передней кабине, а сзади никого нет. Странное ощущение... Вырулив на старт, взлетаю, набираю высоту, делаю первый разворот, а мне все кажется, что не я, а кто-то другой управляет самолетом. И хотя много раз я все это делала без помощи инструктора, который только наблюдал за полетом, сидя в кабине, тем не менее я никак не могу отделаться от этого чувства.
- Я сделала «горку», качнула самолет с крыла на крыло и стала выделывать какие-то непонятные фигуры, которые совсем не должна была делать. Я засмеялась и запела — хорошо! Какое это счастье — летать! Как прекрасно жить на свете!
- В конце лета все разъезжались: я собиралась в Москву, в авиационный институт, где надеялась не только учиться, но и летать в аэроклубе, а ребята — в летные училища. Сначала уехали Леша, Тимоха, Лека-Длинный и другие ребята, которых направили в школу летчиков-истребителей, потом остальные. Многие были приняты в училище, которое готовило летчиков для бомбардировочной авиации.

В аэроклубе

Война началась

- — Талка, война!.. По радио... Включай!
- Оля сама бросилась к репродуктору, включила его в сеть, и я услышала голос Молотова, сообщавшего о том, что Германия вероломно напала на Советский Союз...
- В первые же дни июля институтский комитет комсомола объявил, что комсомольцы МАИ поедут на трудовой фронт — рыть окопы на подступах к Москве. Как-то получилось так, что в суматохе никто не мог сказать точно, куда и на какое время мы едем. Было объявлено — на два-три дня. Но вместо двух дней мы копали два месяца...

На трассе

- Кубометры, кубометры. Земля, глина, песок. Сгибаешься, разгибаешься. Сначала, вогнав блестящее лезвие в грунт и набрав полную лопату, выбрасываешь землю подальше вперед. Потом постепенно опускаешься глубже, насыпь растет, вот она уже выше головы, и ты бросаешь землю вверх — все выше, выше, пока глубина рва не достигнет трех с половиной метров.
- Однажды, в разгар работы после перерыва в небе раздался звук мотора и два самолета на небольшой высоте выскочили из-за леска. Парой они стали набирать высоту.
- — «Мессеры», — сказала я. — Что-то, наверное, задумали...
- — Ой, девочки, Веру убили!.. Уби-ли!..
- Я оглянулась на крик. Метрах в пятидесяти от нас на земле неподвижно застыла девушка. Возле нее уже собрались подружки, остальные шли, бежали со всех сторон. Мы тоже подошли.
- Девушка лежала на боку, согнув ноги и повернув лицо к земле. Длинная темная коса тяжело свисала с плеча. Под косой на затылке растеклось кровавое пятно: пуля попала прямо в голову...

- ...Я уже не могла отвести глаз от этой странной черной тучи, — я уже догадалась, что это за туча, но все еще не могла, не хотела осознать до конца... Она медленно ползла по сероватому небу, увеличиваясь в размерах, и земля дрожала от низкого гула, который от нее исходил.
- — Чего это? — спросила Нина и умолкла.
- Небо заметно светлело, и все яснее выступали на бледном фоне силуэты множества самолетов с распластанными заостренными крыльями. Громада бомбардировщиков двигалась на восток.
- Бомбардировщики летели строем в два яруса. Когда первая группа приблизилась, стали отчетливо видны черные кресты на крыльях. Строй за строем появлялись самолеты в западной части неба и, нутужно прогудев над нами, исчезали на востоке.
- Мы стояли ошеломленные, подавленные и смотрели, смотрели вверх. А бомбардировщики все летели и летели, закрыв собой все небо, и было их так много, что казалось, это могло происходить только во сне...
- — Ой, девочки, сколько же их! — воскликнула Катя с выражением ужаса в глазах. — А куда они? На Москву, да?
- Никто не ответил. Мы хорошо понимали — куда, но говорить об этом не хотелось.

Грозозвая туча

Дайте пострелять!

- — Дайте пострелять!
- — Пострелять? А у нас винтовки боевые!
- - Знаете, девчата, оставайтесь-ка у нас в части, а? Возьмем вас на довольствие, как положено. Будете довольны.
- — Вот дурочки! Да этот Толя просто разыграл вас!
- Но когда, поужинав, мы отправились за овраг, чтобы серьезно поговорить с Толей и обязательно с его командиром, то никого там не нашли: воинская часть срочно снялась и куда-то ушла. Возможно, прямо в бой...

- — Там, знаешь, некоторые уходят в женскую авиационную группу. Набор идет сейчас в ЦК комсомола... У нас в комитете дают комсомольские путевки тем, кто умеет летать или прыгать с парашютом...
- — Что ж ты сразу не сказала?! А ты, Оля? — спохватилась я.
- — Меня не отпускают. Куда-то в другое место пошлют... С группой сандружинниц.
- — Ну... Я готова...
- Одевшись, я уже стояла в дверях, готовая бежать в институт. Оля подошла ко мне. Вероятно, она надеялась, что и я останусь с ними... Я виновато опустила глаза.
- — Ну, лети, пилот! А то не успеешь... — И она хлопнула меня по спине, прощая измену.
- А я, забыв о своем горле и температуре, помчалась в институт, боясь опоздать.
- Ровно через час, раздав подругам свои вещи, я с небольшим узелком и комсомольской путевкой ехала в центр, на Маросейку. Там, в ЦК комсомола, проводился набор девушек-комсомолок в авиационную группу, возглавляемую известной летчицей Мариной Расковой.

ФронтОВые дОроги

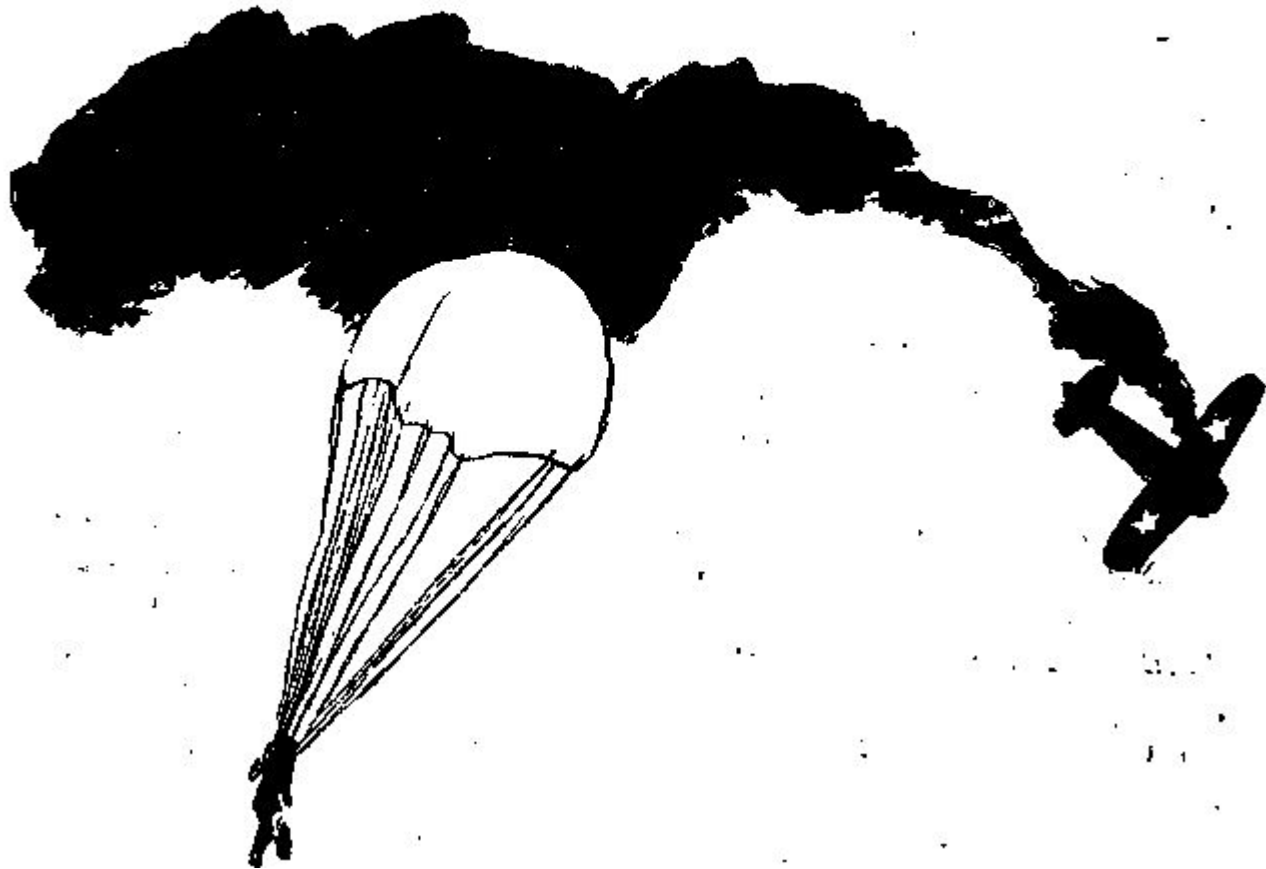

- Осталось позади много фронтовых дорог — от Донбасса до Терека и от Терека до Кубани. Полк получил гвардейское звание.
- На фронте с Лешей я встретила неожиданно. Это было год назад под Грозным, осенью сорок второго года.
- В «братский» полк Леша прибыл совсем недавно: немцы наступали, и с наступлением немцев летную школу, в которой он учился, расформировали, а всех курсантов отправили в боевые полки. Когда мы встретились, у меня было уже двести вылетов и я носила новенький орден — Красную Звезду.
- ...Ночью аэродром «братцев» подвергся бомбежке. Несколько человек были ранены, в том числе и Леша. У него самое тяжелое ранение — в спину. В ту ночь Леша дежурил на аэродроме, и, когда стали падать бомбы, он с товарищами бросился рассредоточивать самолеты, сгрудившиеся на старте перед вылетом.
- — Вот я и отлетался...
- — Ты поправишься, Леша. И опять будешь летать.
- Не дождавшись вечера, я улетела в полк. Больше я Лешу не видела. Он умер от гангрены — слишком глубока была рана, и спасти его не могли...
- Война продолжалась уже третий год. Впереди был еще длинный путь...
- Я ничего не знала ни об Оле, ни о Тимохе, ни об остальных моих друзьях. А между тем друзья мои тоже воевали.

- — Проекторы и пулеметы стоят на самом берегу. Наши катера могут причаливать в разное время. Следите за обстановкой.
- — Скорее! Надо погасить прожектор! — волновалась Нина. — Наши уже подплывают к берегу, а он светит!
- ...Горящий катер подплывал все ближе и ближе к берегу...
- Уже потом, после войны, я узнала, кого мы с Ниной прикрыли с воздуха при высадке десанта, кто был командиром катера, который первым причалил к неприятельскому берегу. Слава Головин, тот самый Слава, с которым мы учились летать на планере, сам же и рассказал мне впоследствии подробности высадки.

Лека-Длинный

- Немецкая «рама» была неуловима. Заметив «раму», дежурные истребители немедленно поднимались с аэродрома и спешили ей навстречу. Но догнать ее никто не мог. Она всегда успевала вовремя развернуться и скрыться, маскируясь в лучах заходящего солнца.
- ...Раздался сильный треск. Такой треск, что в первое мгновение Леке показалось — это разваливается на части его истребитель. Потом сразу стало тихо... В этот момент Лека не думал о себе. Важно было одно: свалить «раму».
- Качнувшись с крыла на крыло, «рама» стала падать...
- Лека открыл фонарь кабины и, нащупав кольцо парашюта, вывалился из самолета, подхваченный струей воздуха.
- В стороне у дороги что-то вспыхнуло, оттуда повалил дым. Лека догадался, что это взорвалась «рама»...
- Один из немцев, махнув рукой, что-то крикнул остальным, присел, сдвинул каску назад и выпустил длинную автоматную очередь. Почти одновременно раздались другие выстрелы — немцы стреляли со всех сторон, прямо в Леку...
- Изрешеченный парашют камнем понесся вниз, не долетев до переднего края. Когда Лекины ноги коснулись земли, он уже не дышал.
- Упал Лека на нейтральную полосу, и долго еще, до наступления темноты, из-за мертвого летчика велась перестрелка. А когда стемнело, его вынесли с нейтральной полосы свои разведчики.
- Похоронили Леку в полку. О том, как он погиб, рассказал мне много лет спустя Виктор, узнавший об этом от Коли Черняка.

- Тимоха никак не мог смириться, что он в плену, что его увозят все дальше, в глубокий тыл к немцам. Он задумал бежать и среди летчиков быстро нашел себе товарищей, которые поддержали его план и согласились бежать вместе с ним.
- К концу третьего дня, измучившись, изголодавшись, решили подойти к небольшому хутору.
- ...Около четырех месяцев воевал Тимоха в партизанском отряде. Без него не обходилась ни одна операция. Однажды во время вылазки он был тяжело ранен в бедро. Самолетом его перебросили через линию фронта в госпиталь, а когда он выписался, стал разыскивать свою часть. С большим трудом добился Тимоха, чтобы его направили на фронт, в ту же эскадрилью, где он воевал раньше, где остались его боевые друзья. Тимоху радостно встретили летчики, но Леки среди них уже не было...

Тимоха

Виктор

- Он начал летать на транспортных планерах, возил грузы партизанам, сбрасывал десантников во вражеский тыл.
- Виктор знал, что если на площадке может сесть только планер, а для самолета-буксировщика она мала, то судьба планера предрешена: после посадки его уничтожают. Трудно с этим мириться, но другого выхода нет — планер, не имеющий мотора, сам подняться в воздух не может. В таких случаях летчик остается у партизан, пока не появится возможность улететь обратно в свой полк.

- Валя Чугарина ушла на фронт позже других. Вместо с матерью и младшими сестренками она эвакуировалась на Урал и там некоторое время работала летчиком-инструктором в аэроклубе. Освоившись на новом месте, стала проситься на фронт. Отпустили ее не сразу — пришлось Вале сначала поговорить с начальством, но в конце концов разрешение было получено. На фронте первые месяцы Валя летала в связной авиации — на том самом По-2, на котором училась летать в аэроклубе. Потом ее перевели в эскадрилью санитарных самолетов, где были те же самолеты По-2, только специально оборудованные для перевозки раненых.
- Был конец сентября 1943 года. В этот день Валя Чугарина летела на правый берег Днепра уже в третий раз. Из четырех тяжелораненых, которых она за два рейса перевезла в тыловой госпиталь на своем санитарном По-2, один умер, не долетев до госпиталя.
- ...Не разобравшись, в чем дело, она оглядывалась по сторонам, разыскивая истребитель, который словно сквозь землю провалился. Ясно было одно: ее самолет невредим, сама она жива и по-прежнему в воздухе. Но где же враг? И почему взрыв?
- Наконец, метрах в трехстах от церкви, на земле Валя увидела густое облако клубящегося дыма. Разбился!.. Неужели разбился?! Машинально посмотрев вверх, она все поняла: два истребителя, два наших «Яка», набирая высоту, удалялись на запад. Так вот кто выручил ее! И Валя с благодарностью проводила взглядом самолеты, которые мимоходом, летя на задание, спасли жизнь ей и раненым.
- Сдав раненых в госпиталь, даже не передохнув, Валя снова улетела за Днепр, туда, где ее ждали, где она была нужна.

Последняя глава

- И вот я хожу по улицам Берлина.
- После этого дня пройдет еще несколько дней — и будет объявлен мир. Победа, трудная и долгожданная. Еще не сразу узнаю я о том, что погиб Лека, что Слава высаживался с десантом под Керчью, что Валя тоже воевала — летала на санитарном самолете, а Виктор на планерах.
- Прошло время, и я узнала о судьбе каждого. Вот только об Оле я долго не могла ничего разузнать. Но однажды в Москве меня нашла Лена, приехавшая из Волгограда, где она жила. Она и рассказала мне о том, что случилось с Олей летом сорок второго года под Сталинградом.
- На двух машинах Оля и Лена везли раненых по дороге к Сталинграду. Наши войска, отходя, уже прошли на восток, и машины ехали последними. В небольшом поселке их обстреляли немцы, успевшие перерезать дорогу. Первая машина, в которой находилась Лена, на полном ходу проскочила поселок и помчалась по дороге дальше. По второй же немцы открыли пулеметный огонь, и она резко остановилась — были перебиты скаты... Удаляясь от поселка, Лена еще некоторое время слышала перестрелку: Оля не сдавалась...
- О Тимохе я узнала от него самого. Попав к партизанам, он воевал и был ранен, но потом, после госпиталя, снова дрался в воздухе, и опять его сбили. После войны Тимоха служил в полярной авиации.
- Продолжала летать в мирное время и Валя — сначала на спортивных самолетах, затем на пассажирских. А Виктор стал знаменитым планеристом, рекордсменом страны и мира.
- История моей военной юности не исключительна. Нас было много, юношей и девушек, ушедших на войну в те суровые годы. Мы защищали свою землю, Родину, ее будущее.

Вопросы

1. Как ребята называли планерную школу?
2. Что такое «задняя центровка»?
3. Подвиг Тимохи.
4. Подвиг Славы.
5. Подвиг Леки-Длинного.
6. Подвиг Виктора.
7. Подвиг Вали Чугариной.
8. Подвиг автора Натальи Кравцовой.

